

Жинкин Андрей Алексеевич

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой общетеоретических
и государственно-правовых дисциплин
Кубанского социально-экономического института

СУДЕБНЫЙ ПРЕЦЕДЕНТ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы применения судебного прецедента в отечественном уголовном праве и правосудии, классификации прецедентов, проанализирована перспектива признания судебного прецедента официальным источником права в Российской Федерации.

Ключевые слова:

уголовное право, правосудие, судебный прецедент, официальный источник права.

Zhinkin Andrei Alekseevich

PhD in Law, Assistant Professor,
Head of General Theory
and State Legal Disciplines Department,
Kuban Institute for Social and Economic Studies

JUDICIAL PRECEDENT IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Summary:

The article discusses the questions of application of judicial precedent in the Russian criminal law and justice. The author presents classification of precedents and considers the prospect of recognition of the judicial precedent as an official source of law in the Russian Federation.

Keywords:

criminal law, justice, judicial precedent, official source of law.

История прецедентного права насчитывает не одно столетие. Формирование данного правового феномена начинается в XII–XIII вв., однако истоки этого явления до сих пор окончательно не выявлены.

Судебный прецедент состоит из двух имеющих юридическое значение структурных элементов: *ratio decidendi* (в переводе с латыни 'разум (основание) решения') и *obiter dictum* (с латыни – 'попутно сказанное'). Первая и основная часть прецедента, «разум решения», представляет собой суть правовой позиции суда, сформулированной на основе и в приложение к доказанным фактическим обстоятельствам дела, и образует необходимую и достаточную юридическую основу вынесенного судебного решения. *Obiter dictum* является собой дополнительно приводимые судом в обоснование решения выводы, которые вместе с тем не являются необходимыми [1].

Таким образом, нормативным ядром прецедента представляется «разум решения», выступая тем самым правилом, применяемым судами при рассмотрении аналогичных дел. При этом в судебном решении никогда не проводится четкого разграничения указанных структурных частей, они выявляются в дальнейшем судьями посредством толкования. Одним из основополагающих постулатов прецедентного права является тезис, приведенный Р. Кроссом: «Каждый суд обязан последовать решению более высокого по положению суда, а апелляционные суды... связаны своими прежними решениями» [2]. Как правило, судебным прецедентом является не единичное решение, а группа решений. Таков судебный прецедент в его классическом виде. Настолько ли соответствует это каноническое толкование фактически сложившемуся и применяемому в отечественной правоприменительной практике пониманию прецедента?

Принцип судебного прецедента, его нормативное значение и сила источника права в законодательстве стран семьи общего права не закреплены. Исключение составляет Конституция Индии (ст. 141), которая устанавливает, что суды страны должны следовать прецеденту, созданному Верховным судом. Решения Высокого суда штата обязательны для всех нижестоящих судов в соответствующем штате. Высокий суд, в отличие от Верховного суда, связан собственными решениями; в то же время решения Высокого суда одного штата не обязательны для Высокого суда другого. В действующем российском уголовном законодательстве прецедент также не включен в число общеобязательных формально-юридических источников права.

В уголовно-правовой сфере Англии утвердилось положение о том, что суды не вправе заниматься криминализацией общественно опасных деяний, равно как и видоизменять существующие составы преступлений.

Советская уголовно-правовая наука традиционно рассматривала судебный прецедент через призму противопоставления социалистического и буржуазного права. По выражению Рене Давида, «если спросить советского юриста, какова роль судебной практики в Советском Союзе, он убежденно ответит, что эта роль значительна. Если же затем спросят его, является ли судебная практика источником права, то последует незамедлительный и четкий отрицательный от-

вет» [3]. Таким образом, изначально вопрос о роли прецедента в советском праве был решен однозначно и категорически в негативном аспекте, хотя законодатель, к примеру, признавал разъяснения Верховного суда РСФСР руководящими и обязательными для нижестоящих судов, то есть источниками права. Но уже начиная с 70-х гг. XX в. в литературе все чаще стали высказываться мысли о судебном прецеденте как фактическом источнике права, в том числе и уголовного [4].

Для стран романо-германской правовой семьи, к которым многие авторы относят и Россию, ситуация, при которой судебный прецедент формально не признается, а фактически существует и применяется, является довольно типичной [5]. Развивая эту мысль, К.В. Ображиев справедливо указывает, что в странах континентального права решения высших судов, в которых формулируется определенное понимание уголовно-правовой нормы, будучи юридически необязательными, фактически обладают свойствами судебного прецедента – источника уголовного права [6]. Аналогичные суждения высказал в своем диссертационном исследовании О.Н. Бибик [7].

В.В. Демидов пишет, что «содержащиеся в постановлении Пленума Верховного суда РФ разъяснения по вопросам применения законодательства... представляют собой своеобразную форму судебного прецедента» [8]. Однако следует согласиться с К.В. Ображиевым, который указывает, что судебный прецедент – это судебное решение по конкретному делу, но никак не разъяснение, содержащееся в постановлении Пленума Верховного суда РФ [9]. Такого же мнения придерживается А.И. Рарог [10]. Действительно, постановления Пленума Верховного суда РФ и судебный прецедент роднит, по сути, только орган, их создающий, то есть суд. В содержательном же смысле постановление Пленума Верховного суда РФ ближе к нормативно-правовому акту, хотя строго формально является актом судебного-нормативного толкования [11].

К.В. Ображиев проводит классификацию судебных прецедентов в уголовном праве России исходя из их содержания и субъектов создания судебного прецедента. Так, по содержанию он выделяет нормативный судебный прецедент, которым создается, изменяется или отменяется уголовно-правовая норма, и толкующий судебный прецедент, под которым понимается судебное решение по конкретному делу, содержащее понимание уже существующей нормы. По субъекту создания выделяются прецеденты международного уголовного суда (трибунала), прецеденты Конституционного суда РФ и прецеденты Верховного суда РФ [12]. Остановимся подробнее на последней классификации.

Прежде всего необходимо ответить на важный вопрос: является судебный прецедент итогом рассмотрения **уголовного** или в принципе **любого** судебного дела?

Возьмем, к примеру, постановление Конституционного суда РФ от 11.12.2014 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа». Классическое английское правило: суд не может устанавливать уголовную ответственность за общественно опасные деяния, видоизменять составы преступлений. Конституционный суд РФ на основании ч. 4 ст. 125 Конституции РФ только обладает полномочиями по проверке конституционности уголовных законов, в том числе и подлежащих применению в конкретном деле. Он осуществляет *конституционное правосудие*, результатом которого становится принятие актов «негативного правотворчества», то есть тех решений, в которых законы или отдельные их положения признаются не соответствующими Конституции РФ и утрачивающими юридическую силу. Таким образом, Конституционный суд РФ создает юридически обязательное основание, предпосылку декриминализации, то есть вносит изменения в действующее право. Конституционный суд РФ, проверяя конституционность законов, подлежащих применению в конкретном уголовном деле, не рассматривает само данное дело по существу в рамках конституционного судопроизводства. Следовательно, признать постановления Конституционного суда РФ судебным прецедентом нельзя.

Также в настоящее время проблематичным будет выделение в качестве применяемого в России судебного прецедента решений органов международной уголовной юстиции. Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Аналогичную по содержанию норму содержит и часть 2 ст. 1 УК РФ. А.Г. Кибальник относит решения международных уголовных трибуналов к числу «полноправных» источников международного уголовного права [13]. Только в этом ракурсе подобные решения могут считаться источниками российского права.

Верховный суд РФ согласно Конституции РФ и Федеральному конституционному закону от 05.02.2014 г. № 3-ФКЗ (ред. от 15.02.2016 г.) «О Верховном суде Российской Федерации» является высшим судебным органом, в том числе по уголовным делам, а также дает разъяснения по вопросам судебной практики, облачаемые в форму постановлений Пленума Верховного суда РФ [14]. Не вступая в дискуссию относительно обязательности постановлений Пленума Верховного

суда РФ (которые многие авторы обоснованно относят к фактическим источникам права), отметим, что, как было указано выше, такие постановления не принимаются посредством осуществления правосудия по конкретному уголовному делу, а являются результатом обобщения судебной практики и интерпретационной деятельности Верховного суда РФ.

Следует согласиться с К.В. Ображиевым, который рассматривает в качестве прецедента только официально опубликованные акты казуального толкования Верховного суда РФ. Таким образом, из приведенной К.В. Ображиевым классификации наиболее близко к «канону» судебного прецедента стоят решения органов международной уголовной юстиции и прецеденты (акты казуального толкования) Верховного суда РФ, которые как раз являются результатом осуществления уголовного правосудия и решениями по конкретным *уголовным делам*. Решения Конституционного суда РФ по своим характеристикам ближе к нормативному акту, нежели к судебному прецеденту.

Таким образом, судебный прецедент в уголовном праве России:

- 1) это только решение по уголовному делу;
- 2) это решение по конкретному делу, а не обобщения судебной практики;
- 3) это только официально опубликованные акты казуального толкования Верховного суда РФ.

Немаловажным следует признать постулат, о котором говорилось вначале: судебный прецедент в России не может криминализировать деяния и видоизменять существующие в УК РФ составы преступлений. Это правило также подлежит закреплению в УК РФ.

Судебный прецедент необходим российскому правосудию как важное средство интерпретации, уяснения положений закона и их разъяснения в приговорах. Приведем один простой и всем известный пример. Ни закон, ни постановление Пленума Верховного суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» не дают ответа на вопрос: является ли сон беспомощным состоянием. Для выяснения этого вопроса нам потребуется судебный прецедент, то есть норма, сформулированная, к примеру, в постановлении Президиума Верховного суда РФ от 28.03.2012 г. № 11-П12ПР, где сон беспомощным состоянием не признан [15].

В заключение следует отметить, что судебный прецедент в уголовном праве России уже давно существует и динамично развивается. Признание его обязательной силы, с нашей точки зрения, дело недалекого будущего.

Ссылки и примечания:

1. Есаков Г.А., Крылова Н.Е., Серебренникова А.В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2009. С. 87.
2. Кросс Р. Прецедент в английском праве : пер. с англ. / под общ. ред. Ф.М. Решетникова. М., 1985.
3. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967. С. 192.
4. См., например: Ковалев М.К. Советское уголовное право : курс лекций. Свердловск, 1974. Вып. 2. С. 36 ; Наумов А.В. Судебный прецедент как источник уголовного права // Российская юстиция. 1994. № 1. С. 9 ; Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979. С. 145 ; Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 78–80.
5. Марченко М.Н. Правовые системы стран мира. М., 2001. С. 106.
6. Ображиев К.В. Судебный прецедент в уголовном праве России. Ставрополь, 2002. С. 23.
7. Бибик О.Н. Источники уголовного права Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2005. С. 144–145.
8. Демидов В.В. О роли и значении постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного суда РФ. 1998. № 3. С. 24.
9. Ображиев К.В. Указ. соч. С. 35.
10. Рарог А.И. Правовое значение разъяснений Пленума Верховного суда РФ // Государство и право. 2001. № 2. С. 51.
11. В литературе подобное толкование также именуют «прецедентом судебного толкования». См. подробнее: Венгеров А.Б. О прецеденте толкования правовой нормы // Ученые записки Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. Вып. 6. М., 1966.
12. Ображиев К.В. Указ. соч. С. 39–41.
13. Кибальник А.Г. Введение в международное уголовное право. Ставрополь, 2001. С. 60.
14. Вопрос о правовой природе данных актов не находит однозначного решения в литературе. См., например: Ругина О.А. Судебное толкование уголовного закона и его роль в законотворческой и правоприменительной деятельности : монография. М., 2014.
15. Постановление Президиума Верховного суда РФ от 28 марта 2012 г. № 11-П12ПР [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правового портала «Гарант».

References:

- Bibik, ON 2005, *Sources of criminal law of the Russian Federation*: PhD thesis, Omsk, pp. 144-145, (in Russian).
Cherdantsev, AF 1979, *Interpretation of Soviet Law*, Moscow, p. 145, (in Russian).
Cross, R & Reshetnikov, FM (ed.) 1985, *Precedent in English law*, Moscow, (in Russian).
David, R 1967, *The main legal systems of the present*, Moscow, p. 192, (in Russian).
Demidov, VV 1998, 'On the role and significance of the decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation', *Byulleten' Verkhovnogo suda RF*, no. 3, p. 24, (in Russian).
Esakov, GA, Krylova, NE & Serebrennikova, AV 2009, *The criminal law of foreign countries*, Moscow, p. 87, (in Russian).
Kibalnik, AG 2001, *Introduction to International Criminal Law*, Stavropol, p. 60, (in Russian).
Kovalev, MK 1974, *Soviet criminal law: a course of lectures*, Sverdlovsk, vol. 2, p. 36, (in Russian).

- Marchenko, MN 2001, *The legal systems of the world*, Moscow, p. 106, (in Russian).
- Naumov, AB 1994, 'Judicial precedent as a source of criminal law', *Rossiyskaya yustitsiya*, no. 1, p. 9, (in Russian).
- Obrazhiev, KV 2002, *Judicial precedent in criminal law of Russia*, Stavropol, p. 23, (in Russian).
- Rarog, AI 2001, 'Legal value clarification of the Supreme Court of the Russian Federation', *Gosudarstvo i pravo*, no. 2, p. 51, (in Russian).
- Rugina, OA 2014, *Judicial interpretation of the criminal law and its role in legislative and law enforcement*: monograph, Moscow, (in Russian).
- Yavich, LC 1976, *General Theory of Law*, Leningrad, pp. 78-80, (in Russian).
- Vengerov, AB 1966, 'Precedents of interpretation of legal norms', *Uchenyye zapiski Vsesoyuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta sovetskogo zakonodatel'stva*, vol. 6, Moscow, (in Russian).